

ведения, сочетая феноменологию с неогегельянством, а перевод с интерпретацией. По третьему пути идет М. М. Бахтин, создающий, с точки зрения Г. Тиханова, свою философию культуры не только в книге о Рабле, но и в работах о романе. Автор не обходит вниманием и дискуссии в теоретико-литературной среде: так, полемике М. М. Бахтина и его круга с формализмом уделено не меньше места, чем дискуссии формалистов и марксистов 1927 года, или критике теории Шкловского его бывшей студенткой, сотрудницей парижской газеты «Евразия» Э. Литгауэр, или несогласию М. М. Бахтина со взглядами Г. Г. Шпета на роман. Направлением, опосредованно повлиявшим через школу Ю. М. Лотмана на западную теорию 1990–2000-х, названа семантическая палеонтология Н. Я. Марра и его ближайших союзников в литературоведении. Специальный сюжет о восприятии литературы в эмигрантской среде обозначает контуры диалога французского и русского научного и литературного дискурсов.

Очевидным достоинством книги является привлечение широкого круга источников — от литературных и литературоведческих текстов (в том числе малоизвестных), периодики 1920–1930-х годов, архивных материалов до новейших российских и зарубежных исследований, что позволяет оценить и профессиональную эрудицию ученого, и обоснованность его концепции, подкрепленную убедительной фактографией. Вполне логичен и выбор в качестве ключевых фигур В. Б. Шкловского и М. М. Бахтина, тем более что представлены они не в противостоянии друг другу, но ско-

рее — ведущими голосами многоголосого разговора о смыслах и задачах литературы, который продолжается и сейчас. Так что объявление о смерти русской литературной теории в заголовке воспринимается после прочтения книги скорее как метафора. Автор ведет речь о событиях прошлого, но их ориентация на сегодняшние проблемы очевидна: опыт изменений режимов рецепции литературы особенно важен для понимания современного статуса словесности, когда из мира незбылемых духовных ценностей она все ощутимее вытесняется в сферу потребления и развлечений, а читатель не просто становится непосредственным участником интерактивного диалога с автором, но превращается, с точки зрения постмодернистской социологии чтения, как минимум в его соавтора.

Можно предположить, что ограниченный объем не позволил Г. Тиханову остановиться на ряде моментов, существенных для книги. В частности, предложенная им схема не учитывает фактор присутствия и влияния российского академического литературоведения, той самой «старой школы», традиции которой во многом определяли научную позицию М. М. Бахтина и оказывали куда большее воздействие на В. М. Жирмунского, нежели Н. Я. Марр или И. И. Мещанинов. Конспективно намеченный в финале книги сюжет о «мировой литературе» как создаваемой русской литературной теорией конструкции особого типа (в советской терминологии 1920–1940-х годов, «всеобщей литературы») представляется крайне перспективным, но, похоже, ему суждено стать темой следующей монографии автора.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-279-281

© К. В. Анисимов

НОВАЯ КНИГА О БУНИНЕ*

Монография Е. Р. Пономарева подводит промежуточный итог многолетним изысканиям ее автора в областях бунинской текстологии и эдиционной практики (см. три тома издания «И. А. Бунин. Новые материалы» (2004–2014); новейший 110-й том «Литературного наследия», десятки отдельных статей) и соединяет в своем инструментарии анализ поэтики с детальными экскурсами в историю текста. Самоочевидная эффективность такого подхода, особенно в условиях становящегося все более шокирующим отсутствия авто-

ритетного издания сочинений первого русского нобелиата, дополнена здесь соображениями об уникальных особенностях бунинской литературной работы, о внедренной в словесную структуру произведения его принципиальной смысловой «незаконченности», когда буквально каждый (даже вполне маргинальный и, казалось бы, чисто «технический» по своему положению среди рукописей) манускрипт может содержать в себе решительный смысловой поворот, проблематизирующий то, что обычно понимают под «итоговой редакцией» и «последней авторской волей». Здесь Е. Р. Пономарев словно семантизирует текстологию, возводя рутину нескончаемых бунинских правок к новому, динамическому и подвижному, принципиально поливариантному мышлению писателя, хотя в целом разрабатывает самое

* Пономарев Е. Р. Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 20-012-41004.

продуктивное русло современного буниноведения, взыскующего введения в научный оборот и максимально полного подключения к любому разговору о «творчестве» материалов из бунинского «Парижского архива», хранящегося ныне в университете британского Лидса: «...накануне полторавекового юбилея основными задачами филологической науки о Бунине являются дальнейшие архивные публикации и подготовка полного научного собрания сочинений первого русского нобелевского лауреата по литературе»,¹ — точно отметила коллега Е. Р. Пономарева Т. М. Двинятина.

Заглавие книги содержит двойную филологическую аллюзию: через общеизвестную, посвященную акмеистам, статью В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» (1916) — к влиятельной в сообществе буниноведов работе Т. М. Двинятиной «Поэзия И. А. Бунина и акмеизм: Сопоставительный анализ поэтических систем» (СПб., 1999), в которой корпус стихотворений автора «Листопада» освещался как система, согласующаяся рядом своих черт с обобщенной эстетической программой Н. С. Гумилева, А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама (особая игра слова и вещи, топографическая экзотика, интертекстуальность и т. д.). Определение Бунина как «стихийного акмеиста» было 20 лет назад важным, этапным шагом после того, как еще ранее, в 1970–1990-е годы благодаря усилиям О. В. Сливичкой и Ю. В. Мальцева, а также реактуализированного А. К. Жолковским Л. С. Выготского,² по-новому раскрылись бунинские онтологии мира, нарратология текста и рецепция предшественников, вследствие чего писатель был «выведен» из объяснительного прокрустова ложа «реализма», «бытописания», «очерковости» и прочих клише социологизированной критики начала XX века, резервировавшей за создателем «Жизни Арсеньева» незавидный статус чудакавого, хоть и мастеровитого эпитона И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого.

Главной особенностью книги Е. Р. Пономарева, продиктованной спецификой научных занятий ее автора, является пристальный взгляд в самую сердцевину писательской лаборатории русского изгнанника, реконструкция повседневной рутины литературного труда (чего только стоят дотошно-канцелярские реестры имен и населенных пунктов из записной книжки, относящейся примерно к 1940 году), из каковой рутины рождалась изощрен-

ная художественная комбинаторика позднего Бунина.

Тем не менее, знакомясь с подробностями, читатель не упускает из виду волнующие исследователя теоретические вопросы: например, как объяснить с точки зрения истории литературы эту деиерархизацию бунинских записей, когда буквально каждая ремарка на полях может превратиться в самостоятельный текст? В чем заключается умысел Бунина-мастера аллюзий и подтекстов: он «цитирует» своих предшественников, руководствуясь логикой «наведения», как это именует в своих работах Е. В. Капинос,³ или же его «припоминания» не «прицельны» (в духе «семантической поэтики»), а обобщены, являются не цитатой, а «образом» цитаты?

То есть потенциально в новом свете способны предстать и практика обращения Бунина с источником, и, наряду с нею, периодизация творчества, в котором этот опыт «присвоения» предшественников становится внутренне дифференцированным. Иными словами, если в дореволюционной «Грамматике любви» (1915) звучащая в разговоре героя с возницей мысль о возможном (хоть и недостоверном) самоотплевании Лушки может быть понята как ход в сторону карамзинской «Бедной Лизы», заставляющий внимательного читателя задуматься о причинах трагического звучания крестьянской темы («тогда», в 1792 году, и «сейчас», между двух революций), то ныне в эмигрантских безвременье и внепространственности нужда в таких референциях отпадает. Трагедия свершилась, наступило так любимое европейской культурой после двух мировых войн, а русским писателем пережитое в годы Интербеллума ощущение «пост-», когда автор если и беседует с кем-то, то не со своим читателем, а с многоликим и уже, по сути, внеисторическим «каноном», «грамматикой» и «языком» в их отвлечении от исторических «литературного процесса» и «речи».

Рассуждая в этой логике, Е. Р. Пономарев по-новому смотрит, например, на Бунина-критика, осветившего в своих многочисленных статьях, давших впоследствии жизнь «Воспоминаниям» (1950), не столько тех, с кем его действительно сводила жизнь, сколько любимые и нелюбимые (вплоть до возмущения, как по адресу «Двенадцати» Блока) произведения. Память на этом ее срезе становится текстоцентричной, а создатели припоминаемых стихотворений, повестей и романов превращаются в литературных героев, подлежащих суровому авторскому суду. Здесь же коренится мотив элитистского презрения к капризам литературного рынка и оценка успешных на этом рынке писателей, в первую очередь А. Н. Толстого, как оборотистых мошенников. Общеизвестно, что полноценного, особенно сравнительно с его притязаниями, доступа к этому

¹ Двинятина Т. М. Предъюбилейное: буниниана последних лет // Русская литература. 2019. № 3. С. 256.

² Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. М.; Франкфурт-на-Майне, 1994; Сливичкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М., 2004; Жолковский А. К. «Легкое дыхание» Бунина — Выготского семьдесят лет спустя // Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 103–120.

³ Капинос Е. В. Поэзия Приморских Альп: рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М., 2014. С. 50.

рынку Бунин был лишен, оказавшись поначалу в положении изысканного уединения, которое грозило превратиться в будущем в нищету — и в конечном счете превратилось. Причем статус нобелиата должен быть здесь учтен не только как точка опоры в самосознании, фундамент символического капитала, но и как болезненное свидетельство несовпадения небезосновательных амбиций, краткой мировой славы — и удручающих реалий жизни изгнанника.

Убедительно и подробно Е. Р. Пономарев описывает своего героя как фигуру, замкнутую почти исключительно в литературном кругу. Мало того, изрядное число сегментов этого круга были откровенно виртуальны, согласованы с актуальной действительностью и ее повесткой. И если, как давно указано Ю. М. Лотманом, способность Бунина «с необычайным мастерством реалиста» воспроизводить «русскую жизнь, но именно ту, <...> которой, он знал, уже не существует в реальности»,⁴ направляется на модернистское пересоздание мира (восстановление ушедшей России) в «Жизни Арсеньева» как артефакта памяти, то уже знакомое нам случайностное использование отрывков, фрагментов, частных и деталей тяготеет к чему-то другому. Классическое решение, предложенное О. В. Сливичкой, здесь состояло в том, что «музейный» (определение Горького) характер предметно-вещного мира бунинской прозы был следствием онтологически необычайно «глубокого дыхания» автора, его стремления внедрить в сжатый объем принципиально *всё* (Л. Н. Толстой для этой цели, наоборот, эпизировал, расширял свой нарратив), смять эстетические границы произведения, «переписав» его словно сверх всякой меры. Однако если от эстетики и нарратологии «готовых» бунинских рассказов, повестей и романа, превращенных в опубликованные произведения, сделать шаг в сторону той самой отраженной архивом каждодневной рутины письма, картина приобретает иные оттенки — и здесь Е. Р. Пономарев намечает главную теоретическую интригу своего труда. «Случайность, — отмечает он, — понятие, чуждое модернистскому представлению о мире. „Сотри случайные черты — / И ты увидишь: мир прекрасен“, — писал Блок в поэме „Возмездие“» (с. 154). Ближайшим аналогом исследователю здесь видится постмодернизм, а фигурой, соотносимой с создателем «Темных аллей», выступает Сергей Довлатов. Яркий тезис о том, что «Бунин типологически близок к С. Д. Довлатову»

(с. 9), прошивает всю работу, придавая ей целостность концептуального высказывания, не только подкрепленного многочисленными наблюдениями над конкретными текстами, но и формирующего новые углы зрения на предмет. Ясно, что Бунин — это, конечно, не Довлатов, но если парадоксальная близость возникла (а эмпирику этой похожести Е. Р. Пономарев демонстрирует весьма убедительно), чем она вызвана? Чем была та тектоника культуры, что «сдвинула» позднего Бунина с насиженного места «последнего классика», обнаружил виртуальный, сконструированный характер самого этого реноме? Была ли настойчиво продвигаемая писателем поэтика почти авангардного фрагмента (аналогию с П. Пикассо см. на с. 183) частным эпифеноменом Бунина или она подчинялась более общим закономерностям, едва ли осознававшимся пишущим индивидуумом, продолжавшим считать себя единственным наследником Л. Н. Толстого и А. П. Чехова? Распадение реальной преемственности и жизнетворческого мифа при такой постановке вопроса делается очень наглядным. И если «русский постмодернизм» никак не был связан ни с «поздним капитализмом», ни с «цивилизацией массмедиа», ни с «концом истории»,⁵ а был контркультурой в «закрытом обществе», то не было ли в этой (само)изоляции конструктивной параллели к вакууму бунинского самоощущения в эмиграции?

К сожалению, в краткой рецензии я могу лишь упомянуть о нескольких специальных экскурсах исследователя, подкрепляющих и варьирующих основную мысль монографии: например, об учете Буниным — создателем нового автобиографического повествования «Жизни Арсеньева» — фактора В. Г. Короленко и его «Истории моего современника»; об игре субъектно-образных конструктов и временных регистров в стиле романа; о разборах отдельных рассказов и т. д. — все эти сюжеты, как правило, удачно вплетены в принципиальную для исследователя методологическую канву. Книга Е. Р. Пономарева, безусловно, является этапным научным сочинением: на пути к «академическому Бунину» (так называется серия, вторым выпуском которой стала рецензируемая работа) читатель будет постепенно открывать для себя не ледяной монумент, а в нынешнем году — еще и юбилейный, с по умолчанию нанесенными на него толстыми слоями «классикализации», а живого и открытого XXI столетию писателя-современника.

⁴ Лотман Ю. М. Два устных рассказа Бунина (К проблеме «Бунин и Достоевский») // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 739.

⁵ Липовецкий М. Паралогии: Трансформация (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008. С. VIII–IX.